

Злата Хитрова • Ада Огнева

РАЗВОД

Развод с Майором.

Твои погоны тебя
НЕ СПАСУТ!

Ада Огнева

**Развод с майором. Твои
погоны тебя не спасут!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Развод с майором. Твои погоны тебя не спасут! / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Десять лет я лечилась от бесплодия. И наконец получила хорошие новости! Но дома меня ждал сюрприз: муж ужинал с любовницей, которая уже носила мой фартук и тапочки.— Ты ничего не дала нашей семье, Даша. Ни ребёнка, ни статуса. Уходи! Майор Штуров выставил меня на улицу, лишил жилья и решил уничтожить мою музыкальную студию. Он забыл одну мелочь: я знаю, куда исчезли наградные часы из воинской части. Теперь его тайнами заинтересовалась военная прокуратура. А суровый подполковник Раевский смотрит на меня совсем не как на брошенную жену. Но готова ли я снова доверить мужчине своё сердце?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Злата Хитрова

Развод с майором. Твои погоны тебя не спасут!

Глава 1

В автобусе я трижды открывала папку с анализами. Ничего нового, конечно, там не появилось, но хотелось ещё раз увидеть подпись врача и вспомнить, как она сказала: «Шансы есть. Организм восстановился». Солярка, духота, мокрые куртки — обычная дорога в гарнизон; сегодня даже она казалась короткой. Десять лет я высчитывала дни, пила таблетки и провозжала Олега в командировки, прося хотя бы позвонить. Теперь наконец можно было присти домой хорошие новости. Когда двери открылись, выскочила первой, прижав сумку к боку. Папка помялась бы — ничего, главное, довезла. Мы ещё успеем. Мне так хотелось сказать ему именно это.

Позвонить из автобуса я удержалась: пусть сначала увидит меня, а уж потом узнает. В подъезде пахло борщом. Я даже замедлила шаг на лестнице. Олег сам сварил? Или Лидку попросил? Свинина, укроп — всё как у меня; за десять лет мог и запомнить. От этой маленькой домашней радости стало совсем нетерпеливо. Хотелось скорее на кухню, к нему.

Замок открылся с первого поворота. Обычно ключ заедал, а тут поддался так легко, что я улыбнулась ещё в прихожей. Поправила ручку сумки и пошла на кухню: папку выложу на стол перед Олегом.

— Привет, мои хорошие! — начала я, ставя сумку у порога.

В ответ кто-то негромко рассмеялся. Олег сидел ко мне спиной; перед ним стояла тарелка, из кастрюли поднимался пар. Он говорил с кем-то у плиты. Я остановилась: с Лидкой он так не разговаривал. Тихо, лениво, с удовольствием, даже не договаривая фраз. Мне тоже когда-то доставался этот голос.

До его плеча был один шаг. Я всё-таки сделала его и положила ладонь поверх рубашки. Хотелось, чтобы он обернулся. Сейчас увидит меня, удивится, начнёт объяснять — что угодно, лишь бы повернулся.

Олег напряг плечо и сбросил мою ладонь. Быстро, между двумя словами своей фразы. Я осталась с протянутой рукой и уставилась на его затылок. Даже после самой тяжёлой командировки он прежде так со мной не делал. Под рубашкой осталось тепло моей ладони; он будто вовсе его не заметил.

— Ты чего? — бросил он через плечо, даже не взглянув на меня.

Алла стояла у плиты с нашей деревянной ложкой. Сестра прапорщика из соседнего дома, двадцать три года — я знала её и встречала у магазина. Сейчас у неё выбилась прядь из пучка, домашнее платье было подвязано моим фартуком. Тем, который я купила год назад и берегла для праздника. Она подняла глаза на меня, продолжая помешивать. Поставить ложку, отступить, хоть смутиться — ничего такого. Ждала, что я скажу. Я смотрела на завязки фартука и никак не могла перейти взглядом к её лицу.

— Даша? — протянула она, и в этом имени было столько жалости, что меня передернуло. — А мы думали, ты приедешь завтра.

Она поставила перед Олегом тарелку, придержала её за край и подвинула ближе. Знала, где его место, где лежат ложки. И он подождал, пока она закончит. Тут я заметила тапочки: мои, на её ногах. Даже пятки не свесились, размер подошёл. В горле зашипало с такой силой, что пришлось сглотнуть. Я ещё могла придумать объяснение борщу, но тапочкам — уже нет.

— Объясни, — мой голос сорвался, превратившись в хрип. Я облизнула пересохшие губы, чувствуя металлический привкус крови. — Почему она здесь? Почему ты не отвечаешь на телефон?

Он наконец повернулся. Я искала в его лице растерянность, чтобы зацепиться хотя бы за неё. Олег смотрел недовольно: приехала, прервала, теперь ещё и ответа требует. Именно так он глядел на людей, которых собирался отчитать.

— Гарнизону всё равно объяснять не надо, Даша, — сказал он, отводя глаза к тарелке. — Уходи тихо. Без скандалов. Солдаты не должны видеть истерики своей женщины.

Я всё ещё держала ладонь перед собой. Эту руку он сжимал в больнице, когда нам объясняли, что естественная беременность почти невозможна. «Мы справимся, Дашенька. Мы найдём выход». Я цеплялась за его пальцы и верила: двое справятся. Теперь Алла стояла в моём фартуке, а он просил уйти тихо. Выход за десять лет нашёлся, да. Только мне показывали дверь.

— Не драматизируй, — сказал он и отодвинул стул. — Ты же взрослая женщина. Хватит делать вид, что это конец света. Для меня это просто... удобство.

Удобство. Я посмотрела на ложку, которую Алла положила ему рядом с тарелкой. Она подвинула её чуть правее; Олегу так привычнее. Мне понадобились годы, чтобы научиться угадывать эти мелочи. Алла уже умела. Пока я думала, как принести папку и сделать его счастливым, они успели устроить здесь свою жизнь.

Во рту набралась слюна. Я отвернулась к косяку и ухватила за него, боясь, что сейчас меня вырвет прямо на кухонный пол. Под ногтями крошилась краска. Эту дверь я сама протирала, здесь же мерил, пройдёт ли когда-нибудь детская коляска. Надо было дышать, а вдох получался мелким и бесполезным. Они ждали, когда я перестану мешать обеду.

— Почему сейчас? — прошептала я. — Я только что из клиники. Все анализы хорошие. Мы могли бы...

— Могли бы, — оборвал Олег, начав есть. Ложка звякнула о фарфор. — Но момент неудачный, Даша. Понимаешь? У меня служба. Стресс. А ты постоянно в больницах, в процедурах, в ожидании. Мне нужен покой. А Алла... Алла даёт покой.

Он успел зачерпнуть борщ, пока говорил. «Алла даёт покой» — и сразу ложку в рот, без паузы, без взгляда на меня. Ему даже не требовалось проверить, что со мной сделали эти слова. Всё было решено до моего приезда; оставалось убрать меня с кухни, чтобы спокойно доесть.

Алла налила себе чай. Села напротив Олега, подвернула под стул ноги в моих тапочках и достала телефон. Экран осветил ей подбородок. Она улыбнулась чему-то на экране; может, мне, может, переписке. От её обычных, неторопливых движений становилось хуже, чем от слов Олега.

— Выметайся, — выкрикнула я. Крик вырвался сам, грубый, некультурный. Такой, каким я никогда не говорила с мужем. — Сейчас же! Пусть она уходит!

Алла поднесла чашку к губам и отпила. Я кричала, а она пила чай. Край чашки тихо звякнул о блюдце. Ей даже не понадобилось отвечать: за неё уже ответил Олег, и она это знала.

Я обогнула стул и схватила её за запястье. Под пальцами была тёплая кожа; никакой картинки, которую можно выключить, настоящий человек в моём доме. Потянула вверх. Пусть встанет, пусть уберётся отсюда — ещё миг, и я сама не смогла бы оставаться на этой кухне.

Олег перехватил меня прежде, чем Алла поднялась. Большой палец вдавился в запястье, остальные сжали руку снаружи. Пришлось разжать пальцы: больно было до локтя. Я повернулась к нему. Он держал меня, а Алла спокойно отодвинула свою руку и поправила рукав.

— Хватит истерить, — прошипел он, сжимая мою руку. Я попыталась её высвободить; он только сильнее вдавил большой палец в запястье. — Ты превращаешь квартиру в театр, Даша. И тебе это не идет.

Он оттолкнул мою руку. Алла сразу положила свою ладонь на его предплечье, туда, откуда только что убрали меня. Я смотрела на её пальцы, на его рукав и знала: теперь можно кричать сколько угодно. Он уже выбрал, чья рука ему нужна.

Пятясь, задела ножку стула. Удержалась за стол, но быстро убрала ладонь — не хотелось стоять рядом с ними ещё хоть секунду. Собственное дыхание заглушало всё, что говорила Алла.

— Если ты не выгонишь её, я уйду сама, — сказала я тихо. Я смогла выговорить это без крика, хотя воздух приходилось набирать после каждого слова. — Заберу вещи и уйду.

Уголок его рта дёрнулся. Олег отложил ложку, потянул из-под солонки верхний лист и расправил ладонью передо мной. Бумаги уже лежали тут, рядом с обедом. Даже за ними идти не понадобилось.

Заявление о расторжении брака. Рядом — рапорт, которым он уведомлял начальство.

Я посмотрела на дату. Три дня назад.

— Ты знал, — прошептала я. Воздуха не хватило в легких. — Ты готовился. Пока я лежала в клинике, плакала и надеялась... ты подписывал бумаги.

— Так проще, — ответил он, снова утыкаясь в борщ. — Тебе будет легче принять факт, чем спорить. Имущество общее. Квартира служебная, но оформлена на меня. Ты ничего не принесла в семью, Даша. Ни денег, ни статуса, ни ребенка. Чего ты хочешь делить?

«Ничего не принесла». Я могла перечислить деньги, вещи, ночи, когда сидела рядом после его возвращений. Но он заранее вычеркнул всё это. Без ребёнка мой вклад не засчитывался. Папка с анализами осталась в сумке; я впервые подумала, что не выну её перед ним ни за что.

Вернувшись к порогу, я подняла сумку. Документы и больничные принадлежности — с этим меня отпускали домой из клиники, с этим я сейчас уходила из дома. За одеждой пришлось бы идти в спальню. Пусть пока лежит. Даже представлять, что Алла уже открывала мой шкаф, было невыносимо; войти и убедиться я бы не смогла.

— Ключи оставишь мне, — добавил Олег, не поднимая головы. Я сняла их с кольца и положила на тумбочку. За вещами вернусь не одна; сейчас мне нужно было выйти, пока я ещё могла держаться на ногах. — Не забудь закрыть дверь. Сквозняк.

До входной двери было всего несколько шагов, а я боялась не дойти. За спиной Алла смеялась над телефоном. Хотелось заткнуть уши, но одна рука держала сумку, другая искала ручку двери. Они даже разговаривать перестали — им хватало того, что я ухожу.

На пороге всё-таки обернулась. Алла сидела на моём месте, Олег наклонился над тарелкой. С этой стороны кухни картина выглядела совершенно обычной. Из неё убрали только меня.

— Наконец-то тишина, — сказал Олег, и в его голосе было такое облегчение, что мне захотелось выть.

Алла хихикнула.

Дверь закрылась. Я ещё держалась за ручку, когда щёлкнул замок: хотелось повернуть обратно, но за ней ничего не оставалось, куда я могла бы вернуться сейчас.

На лестнице пахло сыростью. Прижалась к стене и медленно сползла, удерживая сумку на коленях. Если бы кто-нибудь сейчас вышел из квартиры, пришлось бы встать, объяснить, почему сижу на полу. Сил на объяснения не было. Завибрировал телефон: Маша спрашивала, как анализы, всё ли хорошо. Я открыла сообщение большим пальцем.

На экране плыло её «всё хорошо?». Нужно ответить, хотя бы одно слово. Вместо этого я смотрела на клавиатуру и без конца моргала. Врачу сказала спасибо, в автобус села, до дома доехала. А сейчас не могла написать подруге, что случилось.

Убрала телефон и посмотрела на пальцы. Краска под ногтями, пыль от стены на ладони. На коже ещё держался больничный запах; от волос шло борщом. Мне хотелось вымыться, пере-

одеться, выкинуть это утро целиком. Но у меня даже полотенца с собой не было — только маленький больничный набор в сумке.

Чьей дверью я теперь могу открыть такую сумку? К кому прийти, не объясняя с порога всю свою жизнь?

Ответа не нашлось. Зато появилась простая мысль: сидеть здесь до вечера я не могу. Олег больше не выйдет за мной. Встать придётся самой.

Внизу хлопнула дверца машины. Кто-то торопился по обычным делам, а я прижимала к коленям папку, с которой так счастливо ехала домой. Хорошие анализы никуда не делись. Не осталось человека, которому я везла их показать. Я подтянула ноги, осторожно поднялась и взялась за перила. От меня больше ничего не ждали наверху. Надо было понять, куда идти.

Глава 2

К Лидке я пришла с той же сумкой. Она впустила, но даже снять куртку не предложила. Стояла у дивана, скручивая влажное полотенце, и поглядывала на входную дверь. Я ещё пахла борщом; хотела попросить душ и хотя бы ночь на её диване. По тому, как Лида держала полотенце, уже поняла: просьбу она ждёт и боится.

— Даш, ну правда... — Лида снова посмотрела на дверь. — Ты же знаешь, как тут всё устроено. Если Штуров узнает, что ты живешь у меня, он скажет, что я помогаю тебе мстить. А мне ещё детей в садик водить. Он может всё перевернуть вверх дном.

За её спиной стояли чайники и кружки, которые мы выбирали вместе. По дороге из магазина тогда хохотали: две жены, два пакета, а посуды на целую роту. Сейчас чашки аккуратно расставили по полкам. Лида тоже всё расставила — только для меня места не осталось. Я подняла сумку повыше, чтобы не пришлось просить её второй раз.

— Я не хочу тебя подставлять, Лида, — сказала я ровно. Сумка была уже на плече. Ремень резал плечо; я перехватила его, собираясь к двери. — Найду угол сама.

— Но куда? Зима на носу!

— Как-нибудь.

Лидка заперла дверь сразу, едва я вышла. Я задержалась на площадке, надеясь услышать, как она передумала. Замок больше не щёлкнул. У неё дети, муж, их собственная жизнь. Я это понимала. И всё равно обидно было до слёз: мне ведь нужен был один диван, одна ночь, а не её война с Олегом.

В военторг я зашла за хлебом. Возле кассы разговоры стихли; разглядывать лица за спиной не хотелось. Взяла ещё пачку чая и две конфеты, положила всё на прилавок. Надо поесть. Если думать только об этом, можно ещё выдержать чужие взгляды.

Кассир принял купюру и принялся перебирать мелочь. На красном лице расходились тонкие прожилки. Монеты падали на лоток по одной — дзынь, дзынь. Я ждала, уже протянув ладонь. Он вполне мог закончить расчёт, но продолжал возиться, пока за спиной не вздохнули: «Ну сколько можно?»

— Сдачи нет, — буркнул он, глядя поверх моих глаз на очередь позади.

— Там три рубля, — тихо сказала я.

Кассир посмотрел наконец на меня и улыбнулся. Я заметила три рубля у него под пальцами. Он тоже знал, что я их вижу.

— Или берите товаром, или уходите. У нас тут не благотворительность для брошенных жен. Гарнизон кормит тех, ктолезен. А ты кто теперь? Никто.

За спиной засмеялись. «Ну она же не смогла дать ему ребёнка», — прошептала женщина, ничуть не стараясь говорить тише. Я убрала хлеб и чай в сумку; конфеты никак не попадали в боковой карман. Три рубля остались в кассе. Чёрт с ними, мне бы поскорее выйти. Возле двери спрятала руки в карманы: дрожали так, что я боялась уронить ключи от старой студии. Все узнали. Олег успел рассказать раньше, чем я добралась до магазина. И теперь любой мог пнуть меня между покупкой тушёнки и получением сдачи.

В кабинете директора жарили батареи. Иван Петрович крутил ручку, оглядывая стену с фотографиями выпускников. Я сидела прямо перед ним, но он ухитрялся смотреть куда угодно, только не на меня. Пришла узнать о ближайших уроках; думала, работа поможет продержаться. Он начал совсем о другом.

— Родители жалуются, Дарья Сергеевна, — сказал директор, продолжая смотреть на фотографии. — Что ты ходишь как в воду опущенная. Дети чувствуют нестабильность. Они тревожатся.

— Я веду уроки нормально, — возразила я. Голос звучал чужо, плоско.

Когда я возразила, директор наконец перестал крутить ручку. Посмотрел на меня — вот теперь можно было сказать, кто действительно недоволен. Пока я молчала, пришлось бы придумывать повод самому.

— Олег Сергеевич... э-э... командование обеспокоено моральным обликом сотрудников. Скандалы в гарнизоне не идут на пользу репутации школы. Я предлагаю тебе взять отпуск за свой счёт. До нормализации обстановки.

Мне предлагали самой написать заявление, самой отказаться от зарплаты. Тогда у директора всё сошлось бы: он меня не увольнял, никаких претензий к школе. «Я завтра по расписанию», — сказала я и поднялась. Он ещё пытался объяснить, что это ради моего спокойствия, но я уже взялась за дверь. В коридоре двое коллег умолкли. Я прошла мимо, не глядя, хотя хотелось спросить, которую из нас собираются заменить следующей.

До вечера я обошла четыре адреса. На первых трёх комнаты нашлись «вот только что сдали». Четвёртая была в коммуналке у вокзала, с пыльными окнами и сырым подъездом. Хозяйка смотрела на мои ботинки, потом на сумку, потом долго на лицо. Попросить её поскорее решить я не могла — больше идти было некуда.

— Мужиков нет? — спросила она грубо. — А то у меня тут такие жильцы, что если кто из военных заглянет — сразу скандал. Ты чья?

— Штурова. Хозяйка сразу изменилась в лице. Фамилии оказалось достаточно, подробности она знала без меня.

У хозяйки дрогнули ноздри. Ещё секунду назад она оценивала, сколько с меня можно взять; теперь словно узнала что-то неприятное и захотела поскорее закончить разговор.

— Штурова? Та самая? Нет, деточка. Мне проблемы не нужны. Иди к своей подруге, раз такая гордая. Здесь живут люди, которым нужно спать спокойно, а не те, на кого указывают пальцем.

Дверь закрылась, пока я пыталась объяснить, что никаких военных приводить не собираюсь. У вокзала всем было всё равно, какая у меня комната раньше и какая семья. Но фамилию знали даже здесь. Я спустилась на улицу и пересчитала оставшиеся деньги. Снять что-нибудь сегодня не удалось. До ночи оставалось совсем мало.

Кофе я купила, чтобы согреть руки. Села на лавку в парке и обхватила стакан обеими ладонями; пить пока не хотелось. От ветра коченели колени. На всё, что ещё лежало в кошельке, надо было доехать до вокзала и продержаться там до утра.

Край пальто задел мой рукав. Алла села рядом, слишком близко для такой широкой лавки. От неё пахло сладкими духами. Я отодвинула сумку на колени: меньше всего хотелось, чтобы она тронула ещё и её.

— Олег сказал, ты ищешь квартиру, — начала она мягко, даже нежно. Это было страшнее крика. — Глупости. Зачем тебе отдельное жильё? Вернись. Мы можем договориться. Я не буду спать в вашей спальне, если ты будешь готовить ужин. Гарнизону нужна стабильность, Даша. Ты же учительница. Что скажут дети, если их учительница спит в подъездах?

Я слушала и представляла, как стою у нашей плиты, а Алла ждёт ужин. Потом мою посуду, убираю крошки, чтобы они с Олегом могли спокойно спать. Вот о чём она пришла договориться. Даже спальню предлагала уступить, словно я была квартиранткой, которую берут за хозяйство. Пальцы слишком сильно сжали бумажный стакан. Я поставила его на лавку, пока не обожглась.

Поднимаясь, пришлось опереться ладонью о сиденье. Алла посмотрела снизу вверх и подалась ко мне: наверное, решила, что я согласилась. Я выпрямилась. Объяснять ей, чем её предложение отличается от доброты, не собиралась.

— Нет, — сказала я одно слово. Развернулась и ушла, не оглядываясь. Каждое движение отдавалось болью в груди, но шаг становился увереннее.

До полуночи я ездила в автобусе. Выйти — и снова стоять на морозе; ехать было всё-таки теплее. На конечной работала аптека, от неё можно было дойти до вокзала. Затылком упёрлась в стекло, сумку обняла обеими руками. Пластиковое сиденье давило на поясницу. Сквозь сон почувствовала дыхание возле шеи и выпрямилась.

На свободное место сел солдат, пьяный настолько, что не сразу попал на сиденье. Пахло перегаром. Он наклонил голову и прищурился, разглядывая меня. Я отвернулась к окну, но он уже узнал.

— Это ж Штурова! — заорал он на весь салон. — Та, которая борщ не сварила!

В салоне засмеялись. Солдат придвинулся и положил мне руку на плечо; мокрые от пота пальцы скользнули к воротнику. Отодвинуться дальше не получалось, я сидела у окна.

— Да ладно, мамаша, чего дуешься? Майор наш герой, а ты...

Я сбросила его руку и ударила по лицу. До него наконец дошло, что я не собираюсь терпеть это, но испугаться он не успел: слишком пьян был.

— Не трогай меня! — голос сорвался на визг.

Он ощупал щёку и рассмеялся. Из-под губы показались жёлтые зубы. Я прижала сумку к груди, заслоняясь ею, и оглянулась на проход: кто-нибудь вообще собирается вмешаться?

— Ого, какая нервная! Ну-ну, не кусайся, хозяйка не найдётся.

Солдат снова полез ко мне. Двери ещё не открылись, а добраться до них можно было только через него. Я толкнула его локоть, чувствуя, как от страха начинает тошнить. В проходе встал мужчина; свет салонной лампы остался за его спиной. Он схватил солдата за запястье прежде, чем тот успел дотянуться до моей руки.

Пьяный дёрнул локтем, но его кисть повернули так, что он сразу перестал вырываться. Я наконец смогла отнять сумку от груди и вдохнуть.

— Руки убрал, — прозвучал низкий баритон. Мужчина говорил негромко, но солдат перестал хохотать и повернулся к нему.

Мужчина был в гражданском пальто. Высокий, прямой, с короткой стрижкой; в тесном проходе солдату пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Я тоже подняла глаза. Серые. Мне запомнилось, что он даже не повысил голос, хотя кругом продолжали смеяться.

— Ты кто? — растерянно пробормотал пьяный.

— Подполковник Раевский. Военная прокуратура. Номер дела — твой язык. Хочешь проверить?

Солдат сразу перестал улыбаться. Попытался встать, и Раевский подержал его ещё мгновение — пока тот не отступил. Двери автобуса открылись. Пьяный вывалился наружу, не оглянувшись. Раевский достал из внутреннего кармана визитку. Я протянула руку, но взять её с первого раза не смогла; пришлось придержать картонку второй ладонью.

— Если нужна защита от таких, как он, или от таких, как они... — он кивнул на двери, где исчезал солдат. — Позвони.

Автобус тронулся. Визитку я держала поверх сумки, разглаживая загнутый угол. Подполковник юстиции. Номер телефона. Пока читала, руки понемногу согревались. Я ещё никуда не позвонила, а уже стало легче: хотя бы один человек в этом городе предложил не молчать.

Глава 3

До утра сидела в зале ожидания. Потом пошла к студии: у меня остался ключ, там был чайник, можно было умыться и подготовиться к занятиям. Ключ в дверь не вошёл. На ней висело объявление: «Аренда расторгнута досрочно по требованию собственника. Задолженность отсутствует». Я прочла вторую строчку дважды. Платила вовремя. Даже это меня не защитило.

Олег ждал рядом. Курил, подпирая стену плечом. Увидел, как я пытаюсь вставить ключ, и ничего не сказал, пока я сама не обернулась. Ему хотелось, чтобы я сначала прочла объявление.

— Я звонил хозяину, — сказал он буднично. — Твоя музыка мне мешает. Иди домой, Даша. Там тепло. Там есть еда. Там есть я.

Он выгнал меня, а теперь сам предлагал вернуться. Я смотрела, как он стряхивает пепел, и всё ждала, что скажет про Аллу. Не сказал. Видимо, считал, что после ночи на вокзале я приму и её. За моей спиной заперли студию — единственное место, куда я ещё собиралась прийти без разрешения Олега. Тепло и еду он оставлял только у себя. На своих условиях.

Домой я к нему не пойду. Но и искать следующую дверь наугад больше нельзя: он узнает и позвонит её хозяину. Нужен кто-то, кому Олег не сможет запретить говорить со мной.

— Ты пожалеешь! — крикнул он вслед, когда я развернулась и пошла прочь. Холод проникал в кости, но я не обернулась.

Визитка чуть намочила в кармане. Я остановилась у столба, достала её и разгладила на ладони. «Подполковник Раевский. Военная прокуратура». Номер был виден. За спиной ещё что-то кричал Олег; я набрала первую цифру, потом следующую.

Ответят или нет, поверят ли мне — я не знала. Но впервые за сутки просила помощи у человека, который уже видел всё своими глазами. И телефон я держала так, чтобы Олег не мог вырвать его из рук.

Третий день после возвращения из клиники я начинала у школьного рояля. Пыль с него вытерли, а клавиши оставались холодными; прижимала к ним пальцы, пока дети рассаживались. Здесь мне по-прежнему говорили «Дарья Сергеевна». Нужно было только провести урок. До перемены не думать ни о папке с анализами, ни об Олеге. Вдох, ещё один — можно начинать.

— Даша, тише там! — крикнул из коридора завхоз, но его голос потонул в гуле шагов и грохоте двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.